

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.5.24>

Анохина Светлана Анатольевна, Артамонова Мария Валериевна, Тулина Екатерина Валерьевна
**РОССИЙСКИЙ ЧИНОВНИК В ЗЕРКАЛЕ КРЫЛАТЫХ ЕДИНИЦ, ВОСХОДЯЩИХ К
ПРОИЗВЕДЕНИЯМ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

В статье рассматриваются особенности функционирования крылатых единиц, восходящих к произведениям русской литературы. Крылатые единицы, имеющие в своём значении сему 'чиновник', исследуются в качестве вербализаторов концепта ЧИНОВНИК, определяется их место в семантическом поле. На основании анализа словарных значений, частотности крылатых единиц с семой 'чиновник' по данным Национального корпуса русского языка, а также различий в их употреблении в текстах XIX-XXI веков делаются выводы о преобладающих в русской языковой картине мира негативных представлениях о чиновниках.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/5/24.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 5. С. 115-119. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Русский язык

Russian Language

УДК 81'33

Дата поступления рукописи: 21.03.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.5.24>

В статье рассматриваются особенности функционирования крылатых единиц, восходящих к произведениям русской литературы. Крылатые единицы, имеющие в своём значении сему 'чиновник', исследуются в качестве вербализаторов концепта ЧИНОВНИК, определяется их место в семантическом поле. На основании анализа словарных значений, частотности крылатых единиц с семой 'чиновник' по данным Национального корпуса русского языка, а также различий в их употреблении в текстах XIX-XXI веков делаются выводы о преобладающих в русской языковой картине мира негативных представлениях о чиновниках.

Ключевые слова и фразы: крылатая единица; концепт «чиновник»; русская языковая картина мира; вербализаторы концепта; Национальный корпус русского языка.

Анохина Светлана Анатольевна, к. филол. н., доцент

Артамонова Мария Валериевна, к. филол. н.

Тулина Екатерина Валерьевна, к. филол. н., доцент

Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова

asa.06@inbox.ru; m.artamonova@magtu.ru; tulina78@yandex.ru

РОССИЙСКИЙ ЧИНОВНИК В ЗЕРКАЛЕ КРЫЛАТЫХ ЕДИНИЦ, ВОСХОДЯЩИХ К ПРОИЗВЕДЕНИЯМ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Чиновник в русской языковой картине мира занимает особое место на протяжении не одного столетия. К образу чиновника часто обращались и продолжают обращаться российские писатели и публицисты, о чиновниках многие регулярно вспоминают в обыденном общении. **Актуальность** данной статьи определяется назревшей необходимостью исследовать, как именно образ чиновника представлен в русской языковой картине мира, как различные языковые единицы участвуют в вербализации концепта ЧИНОВНИК. Данный концепт представляет собой чрезвычайно сложное и объёмное образование, включающее в себя формировавшиеся в различные исторические периоды представления носителей русского языка о государственных служащих. Вербализуют концепт многочисленные языковые единицы, в том числе и крылатые. **Научная новизна** настоящего исследования заключается в анализе функционирования в текстах XIX-XXI веков, включённых в Национальный корпус русского языка (далее – НКРЯ), крылатых единиц (далее – КЕ) с семой 'чиновник', восходящих к литературным произведениям, с целью выявления специфических особенностей использования авторами крылатых единиц как вербализаторов концепта ЧИНОВНИК. Для достижения **цели** в работе решаются следующие **задачи**: определив состав КЕ с семой 'чиновник', восходящих к русской литературе, и проанализировав их словарные значения, частотность и специфику употребления в текстах НКРЯ, описать представления носителей русского языка о российских чиновниках, реализованные посредством КЕ.

Концепты вербализуются посредством разнообразных языковых единиц, «не только в слове, но и в словосочетании, высказывании, тексте» [6, с. 50]. КЕ русского языка, являясь периферийными компонентами семантического поля вербализаторов концепта, тем не менее чрезвычайно важны для исследования языковой картины мира, потому что в них, по словам С. Г. Шулежковой, «как в осколках памяти многих поколений, искрится живой, “бойкий” русский ум; любит, томится, страдает, осуждает, предостерегает и смеётся русская душа» [9, с. 35]. За каждой КЕ стоит не только источник её возникновения, значение единицы, но и богатый спектр представлений народа о той или иной реалии. Источником материала для анализа послужил НКРЯ, который «представляет данный язык на определённом этапе (или этапах) его существования и во всём многообразии жанров, стилей, территориальных и социальных вариантов и т.п.» [8].

Как отмечают Е. И. Голованова, И. А. Голованов, И. Г. Казачук, социально-профессиональное пространство в русском языке разработано чрезвычайно детально и насчитывает несколько сотен общеупотребительных наименований лиц по профессии. При этом особый интерес для исследователя языковой картины мира «представляет осмысление данных наименований... с точки зрения характеристики лица (его социального

статуса, его места в ценностной иерархии общества). И здесь интересный материал дают устойчивые сравнения и другие разновидности фразеологизмов» [5, с. 39].

В «Большом словаре крылатых слов русского языка» [4] зафиксировано 9 КЕ с семей 'чиновник' (которая в дефинициях КЕ может быть представлена гипонимами 'администратор', 'бюрократ', 'карьерист', 'начальник', 'управленец', 'чинуша'). Далее в Таблице 1 представлены значения и статистические данные об употреблении в текстах XIX-XXI веков ставших крылатыми наименований литературных чиновников.

Таблица 1. Статистика употребления КЕ с семей 'чиновник' в НКРЯ [10]

Поисковый запрос	Количество текстов	Количество употреблений	Датировка текстов	Значение КЕ по «Большому словарю крылатых слов русского языка» [4]
<i>Акакий Акакиевич / Башмачкин</i>	82/32	270/80	1842-2004	«Книжн. или публ. Устар. Выражение характеризовало забытых, покорных судьбе мелких чиновников царской России» [4, с. 23]
<i>Молчалин</i>	79	396	1839-2010	«Об угодливом, подбострастном карьеристе, чинуше» [4, с. 280]
<i>Держиморда</i>	67	145	1836-2011	«Неодобр. О самовольном и грубом администраторе, нагло обращающемся с людьми – особенно о чиновниках и управленцах» [4, с. 140]
<i>Кувшинное рыло</i>	25	36	1842-2007	«О чиновниках-взяточниках» [4, с. 242]
<i>Унтер Пришибеев</i>	21	39	1885-2002	«Начальник-самодур, навязывающий всем свою волю, пресекающий всякие попытки действовать независимо, инициативно» [4, с. 514]
<i>Архивные юноши</i>	15	23	1858-2007	«Об обладающих определёнными привилегиями молодых чиновниках начала прошлого века» [4, с. 32]
<i>Швондер</i>	12	57	1925-2004	«Грубый, нахрапистый, беспринципный бюрократ» [4, с. 551]
<i>Прозаседавшиеся</i>	7	7	1964-2007	«О людях, которые конкретным практическим делам предпочитают бесконечные прения на заседаниях. Образная характеристика чиновников-бюрократов» [4, с. 405]
<i>Угрюм-Бурчеев</i>	6	34	1869-1978	«Администратор – тупица и самодур» [4, с. 507]

В Таблице 1 имена литературных чиновников расположены по убыванию количества текстов в НКРЯ, в которых упоминаются. В первой строке, посвящённой КЕ *Акакий Акакиевич Башмачкин*, объединены результаты двух поисковых запросов (*Акакий Акакиевич* и *Башмачкин*), так как указанные единицы представляют собой имя одного персонажа и варианты одной КЕ. Суммировать данные результаты нам представляется безосновательным, потому что в значительной доле контекстов имя-отчество и фамилия гоголевского персонажа упомянуты одновременно. На основании количества текстов в НКРЯ, в которых употреблены имена литературных чиновников, ставшие крылатыми, можно представить своего рода рейтинг их частотности: *Акакий Акакиевич / Башмачкин*, *Молчалин*, *Держиморда*, *Кувшинное рыло*, *Унтер Пришибеев*, *архивные юноши*, *Швондер*, *Прозаседавшиеся*, *Угрюм-Бурчеев*. Отметим, что если за основу ранжирования взять количество упоминаний единицы в НКРЯ, рейтинг будет несколько иным: *Молчалин*, *Акакий Акакиевич / Башмачкин*, *Держиморда*, *Швондер*, *Унтер Пришибеев*, *Кувшинное рыло*, *архивные юноши*, *Угрюм-Бурчеев*, *прозаседавшиеся*. Однако общие закономерности сохраняются: единицы *Акакий Акакиевич / Башмачкин*, *Молчалин*, *Держиморда* используются авторами текстов для наименования чиновников (а также упоминаются в текстах как имена персонажей) гораздо чаще, чем *архивные юноши*, *Швондер*, *прозаседавшиеся*, *Угрюм-Бурчеев*. Причины этого явления, вероятно, кроются в представлениях носителей русского языка о чиновниках: возглавляющие оба рейтинга единицы отражают два «лика» чиновника – трусливость, угодливость по отношению к вышестоящим и грубость, бездушие по отношению ко всем остальным.

Анализ значений КЕ с семей 'чиновник' позволяет получить представление о важных, с точки зрения носителей русского языка, качествах чиновников, потому что «изучение любого лингвокультурного концепта как единицы языковой картины мира представляет ценность для выявления особенностей культуры и мировидения конкретной лингвокультурной общности» [7, с. 259]. В значениях большинства выделенных КЕ проявляется негативное отношение носителей языка к чиновникам. Это отношение транслируется посредством пометы *неодобр.* и через название в дефинициях неприглядных качеств чиновника: *забытый*, *покорный судьбе*, *угодливый*, *подбострастный*, с одной стороны, и *самовольный*, *грубый*, *нагло обращающийся с людьми*, *взяточник*, *тупица*, *самодур*, *грубый*, *нахрапистый*, *беспринципный* – с другой. Уже простое перечисление качеств чиновников, названных с помощью КЕ, рисует малопривлекательные образы. В данной группе только КЕ *архивные юноши* имеет нейтральное толкование.

Примечательно, что значения большинства отмеченных нами единиц связаны с чиновником вообще, без привязки ко времени возникновения этих КЕ в языке и времени жизни называемых чиновников. Это подтверждает выводы о том, что негативные представления русского народа о чиновниках неподвластны времени [2; 3].

Анализ употребления КЕ с семей 'чиновник' в текстах, созданных носителями русского языка, даёт богатый материал для воссоздания образа чиновника, существующего в русской языковой картине мира. Однако далеко не все из названных выше КЕ играют действительно существенную роль в вербализации концепта ЧИНОВНИК. Частотность употребления КЕ в текстах НКРЯ (Таблица 1) даёт достаточно интересный материал для выводов о том, какие именно качества описываемых чиновников становятся наиболее «востребованными» современными авторами. Однако при сопоставлении частотности употребления КЕ мы должны учитывать, что поисковый запрос в НКРЯ выдаёт контексты использования искомым единицам без учёта их значений, то есть далеко не во всех случаях мы имеем дело с именно КЕ – часто в текстах упоминаются персонажи, чьё имя впоследствии стало крылатым. Поэтому *архивные юноши*, *Молчалин*, *Угрюм-Бурчеев*, *прозаседавшиеся* отнесены нами к крайней периферии поля вербализаторов концепта по причине невысокой частотности их употребления именно как КЕ с семей 'чиновник'.

Наименее частотной по количеству текстов, в которых она функционирует, стала фамилия градоначальника из «Истории одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина *Угрюм-Бурчеев*. При этом употребления в НКРЯ данной единицы как крылатой мы не нашли.

Среди употреблений единицы *прозаседавшиеся* в НКРЯ отмечен лишь один контекст, в котором она функционирует как крылатая: «Мне приснилось, будто имя мое кричат на каком-то обсуждении в Государственной Думе... Я стояла, подняв голову, вниз, в фойе, куда все *прозаседавшиеся* вышли покурить и посплетничать, и не верила своим ушам» (К. Сурикова. Bye-bye, love, bye-bye, happiness!.. 2003) [8]. В остальных шести текстах авторы упоминают одноимённое стихотворение В. В. Маяковского.

Контексты употребления КЕ *архивные юноши* в большинстве случаев отражают её соотнесённость с молодыми философствующими дворянами-чиновниками начала XIX века: «Он помещался на Пироговской улице, в районе Девичьего поля, и мне представлялось, что в этом же здании служили “*архивные юноши*” пушкинской поры, а Александр Иванович Тургенев именно здесь окончательно испортил себе зрение, уже подорванное его неустанными розысками документов по истории России во всех архивах Европы» (Э. Герштейн. Лишняя любовь. 1985-2002) [Там же]. Однако нельзя не отметить тенденцию расширения значения данной КЕ до обозначения служащих архива или чиновников вообще, в том числе и современных: «Интересно ли, забавно ли читателю, если только он не *архивен юноша*, читать, а мне, если я не анкету заполняю, писать про то, что интересно было единственно хозяину?» (А. Найман. Славный конец бесславных поколений. 1994) [Там же]. В данном случае КЕ употреблена в более общем, по сравнению с зафиксированным в словаре, значении. Однако единичность такого употребления не позволяет говорить об истинном расширении значения КЕ *архивные юноши*. В целом КЕ сохраняет статус «шутливого названия группы молодых философствующих дворян, служивших в 20-е годы прошлого (XIX. – С. А., М. А., Е. Т.) века в Московском архиве Государственной коллегии иностранных дел» [4, с. 32].

Частотность употребления КЕ, называющих чиновников, в текстах НКРЯ в сопоставлении со значениями этих единиц (Таблица 1) даёт достаточно интересный материал для размышления о том, какие именно качества описываемых чиновников становятся наиболее «востребованными» современными авторами. Одной из самых частотных по количеству упоминаний в НКРЯ из отмеченных нами единиц является фамилия персонажа комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» *Молчалина*: она встречается 396 раз в 79 документах 1839-2010 годов, но в подавляющем большинстве текстов эта единица используется авторами как фамилия персонажа, а не как КЕ. И даже в тех случаях, когда авторы употребляют данную единицу в качестве крылатой, в первую очередь они подразумевают не профессию, а свойства характера человека, названного *Молчалиным*: «А у Саши – психология отличника, в поэзии он *Молчалин*, старателен, рационален, аккуратен, все до мелочей продумано – все его любят, все печатают, у него всего одно непечатное стихотворение, он добился признания и славы, с ним считаются – и всё равно ощущение неудачи» (В. Соловьев. Три еврея, или Утешение в слезах. Роман с эпиграфами. 1975-1998) [8]. «Умеренность и аккуратность», очевидно, присущи не только чиновнику, но и офицеру, и поэту, и человеку любой профессии, и именно эти качества лежат в основе номинации подобных людей *Молчалиными*. Исследовав контексты функционирования единицы *Молчалин*, мы можем сделать вывод о том, что авторы текстов, включённых в НКРЯ, практически не называют чиновников *Молчалиными*.

Зато фамилия полицейского из комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» *Держиморда*, встречающаяся в текстах НКРЯ значительно реже *Молчалина* (145 раз в 67 документах 1836-2011 годов), в абсолютном большинстве контекстов функционирует именно как крылатая номинация чиновников: «Однако все мы, работающие в советском искусстве и литературе, прошли гигантскую школу по части поправок и замечаний. Чего только каждый из нас не наслушался от руководящих *держиморд*, какие только директивные указания не приходилось выполнять» (Э. Рязанов. Подведенные итоги. 2000) [Там же]. Это позволяет нам отнести КЕ *Держиморда* к ближней периферии поля вербализаторов концепта ЧИНОВНИК, как и единицы *Кувшинное рыло*, *Швондер*, *унтер Пришибеев*, *Акакий Акакиевич Башмачкин*.

Все анализируемые в данной статье КЕ восходят к произведениям русской литературы, связь с которыми во многих случаях обуславливает особенности функционирования КЕ как вербализаторов концепта ЧИНОВНИК. В отношении исследуемых номинаций чиновников эта связь с источником очевидна при сопоставительном анализе контекстов употребления данных единиц. Все они – *Акакий Акакиевич*, *архивные юноши*, *Держиморда*, *Кувшинное рыло*, *Молчалины*, *прозаседавшиеся*, *Угрюм-Бурчеевы*, *унтеры Пришибеевы*, *Швондеры* – чиновники, но чиновники разные, при этом разные не только по характеру, манере поведения и отношению к делу (что нашло отражение в словарных значениях КЕ (см. Таблицу 1)), но и по сфере деятельности.

Так, КЕ *Швондер* используется авторами преимущественно в связи с упоминанием «квартирного вопроса». Как известно, персонаж повести М. А. Булгакова «Собачье сердце», будучи председателем домкома, был озабочен тем, что профессор Преображенский «в общем и целом занимает чрезмерную площадь». Дело булгаковского бюрократа не кануло в Лету, а продолжено современными *швондерами*, недостатка в которых нет: «*И хотя я, как кандидат наук, и муж, как профессор, имею право на дополнительную площадь, нашлись новоявленные “швондеры” и “шариковы”, развернувшие очередную кампанию против Собчака*» (Л. Нарусова, А. Ниточкина. Боюсь сглазить... 1991) [Там же].

Унтер Пришибеев во всех отмеченных в НКРЯ контекстах функционирования единицы как крылатой не теряет связи с силовыми структурами, ибо герой одноимённого рассказа А. П. Чехова, отставной унтер-офицер, считая себя блюстителем закона и бесцеремонно вмешиваясь в чужие дела, всех поучает. Типичное для армии решение проблем с позиции силы переносится и на другие сферы, в которых служат современные *унтеры Пришибеевы*. В этом отношении КЕ *унтер Пришибеев* и *Держиморда* чрезвычайно близки и вовсе не случайно употребляются контактно: «*Да нет... нет... Этот процесс уже не остановишь – Россия вступила на евроейский путь развития, милостивый государь, и постепенно вымрут ищейки, унтеры Пришибеевы, держиморды и палачи, эти порождения столетий рабства!*» (В. Аксенов. Любовь к электричеству. 1969) [Там же].

Низшие ступени служебной лестницы прочно обосновал *Акакий Акакиевич Башмачкин*. Анализ употребления этой КЕ в текстах НКРЯ даёт основания признать, что КЕ не утратила своей актуальности ни в XX, ни в XXI веке [1]. Авторы вспоминают гоголевского персонажа, если речь идёт о мелких чиновниках, скорее всего, не имеющих перспектив служебного роста: «*Новосельцев – человек незаметный, не пробившийся наверх, застрявший в должности старшего статистика, несмотря на многолетнюю безупречную службу. Он этаким современным Акакием Акакиевичем*» (Э. Рязанов. Подведённые итоги. 2000) [8].

Анализ контекстов употребления КЕ с семей 'чиновник' выявляет представления носителей русского языка о том, какими качествами должен обладать чиновник, чтобы добиться карьерного роста. Судя по данным НКРЯ, успеха в чиновничьем деле добиваются *Кувшинные рыла* и *Держиморды*, то есть взяточники и самовольные грубые администраторы. Тексты XX века, в которых использована КЕ *Кувшинное рыло*, дают интересный материал для анализа функционирования данной номинации чиновника, отражающий изменение отношения к чиновнику: от чиновника вообще до отвратительной рожи власти. В начале века *Кувшинное рыло* всего лишь чиновник, один из многих, не достигших карьерных высот: «*Тогда служба начиналась в 9 часов утра, а в это время зимой в Петербурге ещё сумерки. Чиновники бежали по морозу, уткнув носы в вязаные женами и матерями шарфы и подняв кошачьи воротники своих шинелей и пальто. Их фуражки с кокардой в зимнее время были на вате и даже с ушами; под мышками были вытертые, побелевшие кожаные портфели. Это бежали Акакии Акакиевичи, Кувшинные рыла, Ячницы и Подколёсины*» (П. П. Гнедич. Книга жизни. 1918) [Там же]. В конце XX века *Кувшинные рыла* забираются на самый верх чиновничьей иерархии: «*Я говорил, что весь этот ряд кувшинных рыл на трибуне Мавзолея время очень скоро (я тоже думал о пятилетии) сотрёт, заменит их другими, может быть, более человекоподобными обличьями*» (В. Войнович. Замысел. 1999) [Там же]. *Кувшинные рыла* не просто «выслужились», они управляют государством, но не приобретают индивидуальности – другой автор и в другое время вновь характеризует их как ряд, но теперь уже ряд совершенно идентичных друг другу чиновных стариков. *Кувшинные рыла* из Политбюро выросли, вероятно, из тех «умных и трезвых мальчиков», о которых пишет К. И. Чуковский: «*Кто-то сказал необдуманно: – Ты маленькая белочка! Вот твои лапки! Он рассердился и возразил свысока: – Я не белочка, я Лёва, и у меня не лапки, а руки! Конечно, Менделеева из этакого солдафона не выйдет, а разве что Кувшинное рыло. К счастью, такие калеки – редкость*» (К. И. Чуковский. От двух до пяти. 1933) [Там же]. Ребёнку, начисто лишённому фантазии, калеке, по мнению К. И. Чуковского, – прямая дорога в чиновники, в том числе и самого высокого ранга.

С точки зрения перспектив служебного роста универсальным типом чиновника оказывается *Держиморда*. Видимо, качества грубого гоголевского полицейского, который «для порядка всем ставит фонари под глазами – и правому и виноватому» (Н. В. Гоголь «Ревизор»), как нельзя лучше подходят для российской чиновничьей действительности: «*Партийная директива исходит от московского держиморды и, “спускаясь в низовку”, подвергается обработке со стороны держиморд областных, районных и прочих, “прорабатывающих оную директиву” применительно к местным условиям. Так что одна и та же директива, родившись в Москве из одного источника, по дороге на село или на завод разрастется целой этакую многоголовой гидрой... Конечно, промежуточные держиморды об этих директивах друг с другом не сговариваются. Когда очередная директива кончается очередным крахом, возникает ожесточённый междуведомственный мордобой. Держиморды большие сваливают все грехи на держиморд мелких, и едет наш актив и за Урал, и на “низовую работу”, и просто в концлагерь*» (И. Л. Солоневич. Россия в концлагере. 1935) [Там же]. *Держиморду* можно встретить на любом уровне служебной иерархии, в любом населённом пункте, в любой сфере деятельности.

Справедливости ради отметим, что в текстах НКРЯ можно найти свидетельства того, что *Держиморда* универсален не только по своему положению в советской «табели о рангах» – он также не знает ни временных, ни географических границ: «*Первым, кто хотел это (убить Г. Распутина. – С. А., М. А., Е. Т.) сделать из числа верноподанных Николая II, был ялтинский градоначальник, известный в своё время черносотенец типа Держиморды – генерал Думбадзе*» (Н. Н. Евреинов. Тайна Распутина. 1924) [Там же]; «*Дюжи трюмэнзовские держиморды скручивают руки пойманной ими маленькой японской девушке, расклеивавшей листовки, зовущие к борьбе за мир*» (Б. Е. Ефимов. Рисунки художника Б. Пророкова. За мир! 1952) [Там же].

Проведя анализ функционирования девяти КЕ, имеющих в значениях сему 'чиновник', можем сделать следующие **выводы**. Значения большинства исследованных КЕ содержат негативные коннотативные семы: 'забитый', 'покорный судьбе', 'угодливый', 'подобострастный' или 'самовольный', 'грубый', 'нагло обращающийся с людьми', 'взяточник', 'тупица', 'самодур', 'грубый', 'нахрапистый', 'беспринципный'. Сопоставление частотности употребления КЕ (с учётом исключения контекстов, где упоминаются литературные герои, давшие имя чиновникам) свидетельствует о том, что наиболее востребованы авторами и поэтому отнесены нами к ближней периферии поля вербализаторов концепта ЧИНОВНИК КЕ *Держиморда*, *Кувшинное рыло*, *Швондер*, *унтер Пришибеев*, *Акакий Акакиевич Башмачкин*; тогда как КЕ *Молчалин*, *архивные юноши*, *Угрюм-Бурчеев*, *прозаседавшиеся* практически не востребованы авторами как номинации чиновников, поэтому и отнесены нами к крайней периферии поля.

Контекстуальный анализ употребления КЕ демонстрирует их специфику: одни КЕ (*Швондер*, *унтер Пришибеев*, *Акакий Акакиевич Башмачкин*) используются для характеристики чиновников определённых сфер деятельности или положения в служебной иерархии; другие (*Кувшинное рыло*, *Держиморда*) являются универсальным обозначением чиновника. Судя по данным НКРЯ, только *Кувшинные рыла* и *Держиморды*, несмотря на то, что в своем большинстве неприятны авторам, а вслед за ними и читателям, могут рассчитывать на карьерный рост. Данные КЕ через свою внутреннюю форму связаны с грубыми обозначениями лица, и это вносит очень яркий штрих в представление русского человека о чиновниках. Как ни печально это признавать, но в зеркале КЕ русского языка, употребляемых авторами для обозначения государственных служащих, чаще всего отражаются отталкивающие «морда» и «рыло» чиновников.

Список источников

1. **Анохина С. А.** Акакий Акакиевич Башмачкин как номинация чиновника (к вопросу об актуальности крылатой единицы) // На крыльях слова: материалы Международной заочной научной конференции, посвящённой юбилею доктора филологических наук, профессора С. Г. Шулежковой. Магнитогорск: Магнитогорский дом печати, 2015. С. 27-32.
2. **Анохина С. А.** Отражение деловой сферы в русских пословицах и поговорках // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2014. № 77. С. 50-52.
3. **Анохина С. А.** Чиновник в русской языковой картине мира по данным словарей // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 3. С. 100-102.
4. **Берков В. П., Мокненко В. М., Шулежкова С. Г.** Большой словарь крылатых слов русского языка: ок. 4000 единиц. М.: Русские словари; Астрель; АСТ, 2000. 624 с.
5. **Голованова Е. И., Голованов И. А., Казачук И. Г.** Языковая картина мира vs. фольклорная картина мира: точки соприкосновения и различий // Научный диалог. 2016. № 8 (56). С. 34-45.
6. **Зубарева Г. С.** Концепт как основа языковой картины мира // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика». 2011. № 3. С. 46-51.
7. **Козько Н. А.** К вопросу о лингвокультурном концепте // Проблемы истории, филологии, культуры. 2013. № 1. С. 256-262.
8. **Национальный корпус русского языка** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 24.11.2018).
9. **Шулежкова С. Г.** Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие. М.: Азбуковник, 2002. 288 с.
10. **Anokhina S. A., Kozko N. A., Pozdnyakova N. V., Tulina E. V.** Russian Official Reflection in Russian Language Winged Units [Электронный ресурс] // SHS Web of Conferences. 2018. Vol. 50. URL: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/abs/2018/11/shsconf_cildiah2018_01002/shsconf_cildiah2018_01002.html (дата обращения: 10.03.2019).

THE RUSSIAN CIVIL SERVANT THROUGH THE LENSES OF PROVERBIAL PHRASES TRACING THEIR ORIGIN TO THE RUSSIAN LITERARY WORKS

Anokhina Svetlana Anatol'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Artamonova Mariya Valerievna, Ph. D. in Philology
Tulina Ekaterina Valer'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
 Nosov Magnitogorsk State Technical University
asa.06@inbox.ru; m.artamonova@magtu.ru; tulina78@yandex.ru

The article examines the peculiarities of the functioning of proverbial phrases tracing their origin to the Russian literary works. Proverbial phrases containing the seme "civil servant" in their meaning are analysed as the verbalizers of the CIVIL SERVANT concept; their place in the semantic field is identified. After analysing dictionary meanings, the frequency of proverbial phrases containing the seme "civil servant" according to the Russian National Corpus data and differences in their usage in the texts of the XIX-XXI centuries, the authors conclude about the prevalence of negative civil servant images in the Russian linguistic worldview.

Key words and phrases: proverbial phrase; "civil servant" concept; Russian linguistic worldview; concept verbalizers; The Russian National Corpus.